

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

2018.02.024. ВАСИЛЬЕВА Е.И. ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАЗДЕЛЕННОСТЬ КУРДИСТАНА. ГОДЫ 1514–1914 (КУРДСКАЯ ТРАГЕДИЯ). – СПб.: Нестор-История, 2017. – 168 с.

Ключевые слова: история Курдистана, XVI в. – 1914 г.; политическая разделенность Курдистана.

Д-р ист. наук Е.И. Васильева (советник ИВР РАН, Санкт-Петербург) для написания монографии использует широкий круг источников. Это прежде всего хроника XVI в., принадлежащая основоположнику курдской историографии Шараф-хану Бидлиси «Шараф-наме» (в авторском переводе), а также сочинения курдских авторов, живших в Арделане, области Юго-Восточного Курдистана. Работа состоит из введения, восьми глав, заключения и приложения, где приводятся тексты договоров между Турцией и Персией, заключенных в 1823 и 1847 гг. Во введении автор отмечает, что «совместными усилиями государств, поделивших Курдистан, было создано бытовавшее на Востоке и Западе представление о курдах как о народе “без литературы и почти без истории”, и придуманный ущербный образ целого народа, который долгое время служил в качестве оправдания и раздела его территории и отказал ему в праве самому распоряжаться своей судьбой» (с. 5).

Первая глава посвящена истории Курдистана с VII в. до его раздела в начале XVI в. между Османской Турцией и Сефевидским Ираном, когда двигались «волны нашествий, сметавшие все на своем пути» (с. 6): арабы, монгольские и туркменские племена. Автор отмечает, что уже ко времени появления арабов под знаменем ислама (VII в.) курды представляли собой «сложившийся этнос с характерной и органичной ему системой хозяйственной и социальной жизни, со своими традиционными ценностями» (с. 14–15). В Курдистане были представлены три хозяйственно-культурных типа: земледелие, кочевое скотоводство и тип смешанный, совмещавший занятие полукочевым отгонным скотоводством и возделыванием земли. Автор делает вывод, что именно способность курдов использовать все типы ведения хозяйства, а также «построенные на саморегуляции процессы перемещения производительных сил из деревни на кочевые и обратно создавали условия для самосохране-

ния во времена нескончаемых войн и нашествий» (с. 15). Автор также констатирует, что в обозримой истории курдов изначально отсутствует племя как органичная этносу социально-политическая и административно-хозяйственная структура, построенная на идеологии родства. «Курдское племя по существу вело себя как государство, отличаясь в первую очередь иным уровнем усложненности. Вместо громоздкого аппарата управления в племени представлена отработанная веками, отшлифованная до мелочей, сведенная к необходимому минимуму система правопорядка, основанная на традиционных устоях» (там же). К X столетию возникают княжества-эмираты, у истоков которых «тоже просматривается мощь племенного сообщества, которое либо оказалось поддержку основателю правящего дома, либо само стало властной элитой» (с. 15–16). Главный итог девяти столетий курдской истории автор видит в том, что «в недрах чужой для них государственности курды развили и упрочили собственные, им органичные социально-политические структуры: племя и эмирят» (с. 16).

Во второй главе рассмотрена история курдов на рубеже XV и XVI вв. Автор «Шараф-наме» особо выделяет пять династий княжеств-эмиратов: эмиры Арделана, Хаккари, Бахдинана (Бадинана), Бохтана (Ботана) и Хасанкейфа. Курдистан не представлял собой единого целого, однако княжества и племена были связаны тесными узами: экономическими, политическими и культурными. Автор отмечает, что границы владений эмиров Арделана, Бабана и других княжеств не мешали массовым переселениям во времена недорода и политических потрясений: «Судьбы правящих династий были соединены воедино» (с. 27). Кочевые племена «своими перекочевками из века в век выполняли объединительную функцию, связывая курдские области в единый хозяйственный механизм, в страну курдов» (там же).

В третьей главе отмечается, что к началу XVI в. политическая ситуация в регионе Среднего Востока была взорвана военным противостоянием двух империй – османской Турции и сефевидского Ирана, и «горная страна курдов, расположенная на стыке миров, иранского и тюрко-арабского, оказалась в эпицентре военных действий» (с. 28). Для курдской истории точкой отсчета политической разделенности Курдистана стала Чалдыранская битва 23 августа 1514 г., когда Турции удалось вырвать победу из рук персов. Пер-

сия в результате поражения потеряла Армению, Месопотамию, Курдистан до Мосула включительно. Граница владений османских султанов и сефевидских шахов стала политической реальностью уже после 1514–1515 гг. как результат полномасштабных сражений и прошла между областями Бидлиса и Вана.

Автор ставит вопрос о позиции курдов в турецко-персидском конфликте. Поначалу расклад был традиционным: часть эмиров в Чалдыранской битве сражалась на стороне султана, другая на стороне шаха. Победа турок побудила эмиров Бидлиса, Арделана, Амадии, Джезире и других договориться с Османами. Но гарантой преданности курдских эмиров не получили ни Османы, ни Сефевиды. Однако, повествует «Шараф-наме», наступил момент, «когда позиция правителей Курдистана и курдских племен обрела в войне двух империй решающее значение, и курдов круто развернули в русло про-османской политики» (с. 32). Исполнителем акций силового давления и дипломатии (льстивые письма, подарки, дарственны грамоты) был избран советник султана Селима I по курдским вопросам – уроженец Бидлиса курд Идрис Бидлиси, виртуозно владевший словом, знаток курдских обычаев и этикета. В его лице османские султаны обрели талантливого организатора, оказавшего им несомненные услуги в деле завоевания Северного, Южного и Центрального Курдистана.

Конец первого акта курдской трагедии освещен в четвертой главе. В 1555 г. в городе Амасья султан Сулейман I Кануни, как пишут курдские историки, «продиктовал» шаху Тахмасбу условия перемирия и проведения турецко-персидской границы, которая в основной своей части прошла по Курдистану. Большая часть курдских территорий отошла к Турции, а Сефевиды сохранили власть над областями к востоку от горной цепи Загрос (с. 40–41). Через 84 года турецко-персидская граница получила документальное оформление в виде договора, скрепленного подписями обеих сторон. Автор подчеркивает, что в договоре речь шла о курдских территориях, но курды как народ в нем даже не упоминаются, если не считать названий двух племен из племенного сообщества джаф. По договору все курдские крепости, оказавшиеся поблизости от границы, должны были быть разрушены. Граница разделила курдские эмирата Арделан и Бабан, по разные стороны границы оказались княжества Соран, Бахдинан, Хаккари и Мукринский Курди-

стан. Приграничное положение, обращает внимание автор, давало возможность правителям эмирятов и главам племен признавать то султанскую, то шахскую власть, а реально – сохранять независимость. Линия турецко-персидской границы менялась, «оставаясь по сути дела неопределенной» (с. 51). Главный вывод, к которому приходит автор, заключается в том, что никакие силовые воздействия стран, поделивших страну курдов, не смогли внедрить в сознание, а тем более в реальную жизнь кочевых племен, необходимость соблюдать разграничительную линию. О позицию кочевых племен «разбивались все турецко-персидские договоренности» (с. 52), поскольку они предпочитали вообще игнорировать турецко-персидскую границу, которая не смогла помешать процессу этнополитической консолидации, который охватил Курдистан в начале XIX в. «Не стала граница непреодолимым препятствием и для роста этнического самосознания курдов даже тогда, когда по какую-то ее сторону под запретом оказывались курдский язык, литература, культура и сама курдская идентичность» (там же).

Пятая глава посвящена положению Курдистана между двумя империями. Отмечается, что силовое давление на правящие курдские династии и племена как со стороны Турции, так и Ирана, было почти равнозначным. «Все, кто не хотел служить, а тем более служить противнику, изымались из политического контекста и даже уничтожались» (с. 53). Обе державы-соперницы уже не довольствовались вассалитетом курдов, их усилия были направлены на установление реальной власти. Существование крупных курдских княжеств более не вписывалось в планы османских султанов по укреплению основ державности. Владения эмиров Курдистана подвергались целенаправленному дроблению через введение новой административной системы деления на эяляты и санджаки территорий, включенных в Османскую империю в период с 1514 по 1517 г.

Курдские племена подвергались переселениям и массовым репрессиям, повторным завоевательным акциям, как это имело место в 50-е годы XVI в., во времена султана Сулеймана I и шаха Тахмасба I, и в 1610–1612 гг., в правление шаха Аббаса I. Дистанцию в столетие, к началу XVIII в., преодолели не все династии. Эмиры Чемишгезека, Хасанкейфа и Килиса сошли с нее к концу XVII в. Позднее прекратила свое существование династия эмиров Бабана. Однако главенствующие династии выстояли. Дом ардилан-

ских эмиров в начале XVII столетия заявил о независимости, эмир-рат Хаккари с 1534 г. лишь номинально вошел в Османскую империю, а фактически оставался независимым. Прочную позицию до конца периода, описанного в «Шараф-наме», занимал дом эмиров Бохтана, семья правителей Бахдинана. Мощные эмирата не позволили себя покорить. Автор категорически не согласна с утверждением, что центр мог предоставить независимость каким-либо княжествам или оставить их таковыми. «Быть суверенными помогла неприступность их гор и уникальная способность курдов оставаться непокоренным народом во все времена» (с. 62).

В шестой главе рассмотрены последующие войны и переделы Курдистана. Отмечается, что в рамках достигнутой договоренности отношения Турции и Персии оставались выдержаными вплоть до 20-х годов XVIII в. Ситуация резко изменилась в 1722 г., когда сефевидскую столицу Исфаган захватили афганцы-гильзай, и персидское государство на десятилетия погрузилось в смуты и анархию. Началось турецкое вторжение в Иран, а курды отвернулись от поверженных Сефевидов. На рубеже XVIII–XIX вв. в регион Ближнего и Среднего Востока стремительно врывается Европа. Англия, Франция, Россия и Германия вступили в борьбу за азиатские рынки и сферы политического влияния. Автор пишет, что с начала XIX в. курды и их страна вместе с теми, кто ее разделил, оказываются под бдительным наблюдением стран-интересантов, которые постепенно добиваются роли посредников при решении пограничных споров между Турцией и Персией. Такими посредниками-арбитрами становятся Великобритания и Россия.

Этнополитические процессы в Курдистане продолжали нарастать, принимая лавинообразный характер. В конце 1820-х годов восстал правитель Сорана, затем Ахмад-паша Бабан, на границе ситуация была нестабильной. Столкновения между Турцией и Ираном порою носили масштабный характер и грозили началом военных действий. В мае 1847 г. Турция и Персия, при участии стран-интересантов, подписали еще один Эрзерумский договор, который включал в себя взаимные территориальные уступки. Пока работала разграничительная комиссия 1849–1852 гг., в Курдистане были смещены все могущественные княжеские фамилии, разрушена сама система курдских эмирата. «Турция и Персия проявили в этой акции редкостное единодушие» (с. 73). Против кочевых пле-

мен проводились жесткие карательные акции, ломалась система хозяйствования, которая выстраивалась веками, однако покорить курдов не удалось.

В 1905 г. в развитии русско-персидского пограничного конфликта наступил новый этап, связанный с турецким вторжением в районы северо-западного Ирана, населенные курдами. Россия, озабоченная создавшимся тревожным положением у своих границ, пошла на военную поддержку своего соседа, в соответствии со статьей Туркманчайского мирного договора 1828 г.: в случае необходимости Россия получала право размещать части своей армии на территории Иранского Азербайджана. В результате оккупированные территории были освобождены от турецких войск.

Разграничительные комиссии 1849–1852 гг. и 1913–1814 гг. условно поделили турецко-персидскую границу на семь участков (седьмая глава), при этом на Курдистан пришлось пять участков. С началом Первой мировой войны турецко-персидская граница прекратила свое существование. «В единый миг она как бы растворилась, и воюющие стороны о ней просто забыли» (с. 109).

Курдскому сопротивлению посвящена отдельная (восьмая) глава. Согласно информации курдских историографов, с наступлением XIX в. соперничество правящих фамилий Курдистана сменилось стремлением к взаимодействию. По мере ослабления Османской империи и Персии вассалитет курдских эмиров становился все более формальным. Освободительное движение курдов зародилось в Южном Курдистане, в эмиратах Бабан, Бахдинан и Соран, чьему способствовала удаленность от центра и близость турецко-персидской границы, где противоречия двух стран не затихали никогда.

К середине XIX в. в Курдистане были смещены все семьи эмиров, и передовые позиции заняли суфийские шейхи. Автор отмечает, что «племенная организация курдского социума, обилие межплеменных конфликтов создавали исключительно благоприятные условия для политической активности шейхов в Курдистане. Суфийские мистические братства представляли в стране курдов единственную организацию, которая прорывалась через все границы, и институт духовного наставничества можно обнаружить у колыбели многих правящих фамилий Курдистана» (с. 123).

Заключение автор посвящает событиям Первой мировой войны и новому разделу Курдистана. На территории Курдистана прошли полномасштабные бои. «Цветущий город Соуджбулаг... был стерт с лица земли. Плодороднейший Приурмийский край... был разорен и опустошен. Из долин Мершавера и Тергавера... население было изгнано полностью. Такая же участь постигла Орамар, Ушнуйс, Дильман и другие районы, вместо людей там поселились шакалы и лисы» (с. 133). Для курдов главным итогом Первой мировой войны стало разделение страны с 1923 г. на четыре части границами Турции, Ирана, а также Ирака и Сирии (получивших территории от поверженной Османской державы).

И.Е. Эман

2018.02.025. ФАДЕЕВА Т.М. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ РЕСПУБЛИКИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ. (Обзор).

Ключевые слова: гражданская война в Испании, 1936–1939 гг.; Вторая республика; диктатура Ф. Франко; современная историография.

Длительное время изучение гражданской войны на Пиренеях ограничивалось узким кругом источников – официальными публикациями, воспоминаниями участников, документами зарубежных архивов. Открытие советских архивов после 1991 г. ввело в научный оборот значительное количество новых источников, что позволило показать развернутую картину действий СССР: это касается экономической помощи Испании, поставок вооружений, роли военных и политических советников, а также дипломатических усилий Москвы. Однако комплексное рассекречивание документов высших партийных и советских органов по данной проблеме было осуществлено только в 2012 г.

«Вестник Архива Президента Российской Федерации», выпуск за 2013 г., содержит рассекреченные документы о гражданской войне в Испании 1936–1939 гг. Публикации документов за 1936–1939 гг. предваряет предисловие редактора и археографическое предисловие, а завершает фотоприложение, примечания и именной указатель. В предисловии (С. Кудряшов) подчеркивается, что интерпретация событий гражданской войны в Испании по-